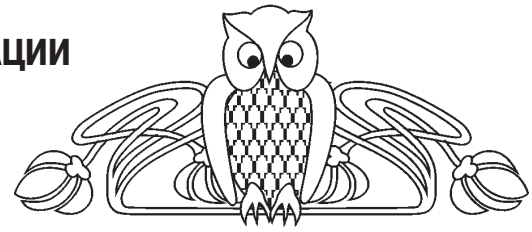
Edited by Foxit PDF Editor
Copyright (c) by Foxit Corporation, 2003 - 2010
For Evaluation Only.

УДК 811.161.1–25

ЗВУКОВЫЕ ЖЕСТЫ В УСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ



С. В. Андреева

Саратовский государственный университет
E-mail: svandreeva@rambler.ru

Статья посвящена изучению звуковых жестов – непроизвольных подсознательных восклицаний.
Ключевые слова: звуковой жест, докоммуникативный знак, сигнальная функция, междометие, звукоподражание.

Sound Gestures in Oral Communication

S. V. Andreeva

The paper deals with the study of sound gestures – involuntary subconscious exclamations.
Key words: sound gesture, pre-communication sign, signaling function, interjection, onomatopoeia.

Термином «звуковые жесты» мы обозначаем первосигнальные речевые проявления. Оттолкнувшись от идеи И. Н. Горелова о разграничении условно-рефлекторных и безусловно-рефлекторных звучаний[1], положим в основу нашей классификации оппозицию: условно-рефлекторные речевые проявления (УРРП) – безусловно-рефлекторные речевые проявления (БРРП). Безусловно-рефлекторные речевые проявления – это первичная система непроизвольных восклицаний, связанная с подсознанием и сближающая человека с животным миром[2]:

Ой-ёё! (1) (вставая) *Ну/ пойду*//;

(Сморщившись) ***О-ох!*** (2) *Что-то опять колет!*;

(Автомобиль «подрезала» другая машина. Водитель, вспыхнув) ***У-ух! Блин!*** (3).

Выделенные безусловно-рефлекторные речевые реакции (1,2,3), непроизвольно возникающие в ответ на какое-либо неожиданное явление, ощущение, нельзя считать подлинной речью: «...они не являются передачей сообщения о событии или отношении с помощью кодов языка»[3]. Характерно, что и М. Купарашвили характеризует автоматические речевые проявления как находящиеся «перед сознанием», опережающие его включение[4].

Как известно, А. А. Леонтьев, раскрывая закономерности психологии общения, выделяет первосигнальные (по И.П. Павлову) речевые реакции[5]. Дифференцируя понятия речевого поведения и речевой деятельности, И. Н. Борисова различает автоматические, непроизвольные речевые проявления (эмоциональные, аффективные, физиологические) и произвольные речевые поступки (выражение сочувствия, утешение и т. п.)[6]. По наблюдениям К. Ф. Седова, понятие «дискурсивное поведение» включает в себя, кроме осознанных и целенаправленных, речевые поступки «помимовольные» и не вполне контролируемые[7].

Считаем, что безусловно-рефлекторные речевые проявления могут быть отнесены к специфической сфере, названной Ж. Дюреном «инфра-языковой» (от лат. *infra* – ниже, под). Согласно его теории, человек, наступивший на кнопку босой ногой и испустивший крик или громкое ругательство, осуществляет речевое (и неречевое) поведение в рамках указанной сферы. Непроизвольные восклицания, постанывания и покряхтывания «как будто существуют до той парадигмо-синтагматической “игры”, которая со времён Соссюра считается самой существенной чертой явления “человеческая речь”»[8].

Речевые проявления такого рода, когда звучание опережает осмысление эмоций, мы условно называем «докоммуникативными» знаками. Как показывают наблюдения, «докоммуникативные» знаки отличаются спаянностью с конкретной ситуацией. Эти непредикативные речения *Ай!, Ой!, Фу!* (ощущение отталкивающего запаха), *Фу ты!, Ха-ха!* и т. п. характеризуются отсутствием диктумной части (пропозиционального содержания). «Докоммуникативный» знак в отличие от коммуникативного не направлен на речевое взаимодействие собеседников. По мнению В. Гладрова, высказанному им в личной беседе с автором во время II Конгресса исследователей русского языка (2004), междометия только сигнализируют о «ментальном» состоянии того, кто их воспроизводит. В. Гладров, видимо, включает в понятие «ментальный» и ощущения. Нам представляется более адекватным термин «психофизиологическое» состояние, так как речь идет об эмоциональном, физическом состоянии человека, а также о каких-то личностных качествах его. Такие непроизвольные речевые проявления (междометия и некоторые звуковые комбинации), вслед за Е. Д. Поливановым[9], условно называем «звуковыми жестами», поскольку они не столько сигнификативны, сколько сигнальны. Таким образом, **звуковой жест** – это самостоятельная непредикативная нечленимая междометная речевая единица, имеющая сигнальную функцию (часто это сигнал о неблагоприятном психофизиологическом или эмоционально-чувственном состоянии говорящего).

Общепризнано, что в устной речи процесс формирования высказывания протекает параллельно с процессом мышления, тем не менее проблема соотношения сознания и мышления, языка и речи психолингвистами однозначно ещё

© Андреева С. В., 2012

Edited by Foxit PDF Editor
Copyright (c) by Foxit Corporation, 2003 - 2010
For Evaluation Only.

не решена. Согласно одной из распространённых точек зрения, кодирование речевого сообщения проходит сложный путь от мысли к развёрнутому высказыванию. Всё начинается с возникновения мотива, рождающего потребность что-то передать другому человеку; эта потребность воплощается в замысле, или мысли, которая представляет собой лишь самую общую схему сообщения. С помощью механизма внутренней речи мысль и её семантическое представление перекодируется в глубинно-синтаксическую структуру будущего высказывания, которая далее превращается в поверхностно-синтаксическую структуру и, наконец, в линейно упорядоченное развёрнутое высказывание[10].

Психолингвисты выделяют три этапа в порождении речевого высказывания. Первый этап носит психологический характер и связан с мотивами речи, её целями, речевой интенцией[11]. Второй этап – этап внутренней речи – характеризуется семантико-грамматическим формированием высказывания. Развитие внутренней речи идёт от первичных малодифференцированных форм к «внутреннему говорению». На завершающей фазе внутренняя речь максимально развёрнута и приближается по своей структуре к внешней речи[12]. Третий этап представляет собой материализацию речевого замысла через звуковое оформление высказывания (внешняя речь). Как показывает наш материал, трёхэтапная структура порождения высказывания в разных типах и видах устной речи не всегда реализуется полностью.

Для исследования закономерностей функционирования «докоммуникативных» и коммуникативных знаков продуктивно подразделение устной речи на такие её разновидности, как спонтанная и продумываемая речь[13]. Первая разновидность характеризуется повышенной ролью компонентов конситуации, даже «интервенцией ситуации» (И. Н. Борисова). Здесь возможна параллель с онтогенезом речевого общения. Как известно, до овладения нормами, регулирующими коммуникацию, ребенок приспосабливается к речевому поведению взрослых через «ситуативную речь». Постепенно его речь развивается от ситуативной, порождаемой ситуацией, к «контекстной»[14]. Соответственно, детской ситуативной речи «докоммуникативные» знаки появляются как первичная реакция на внутреннюю или внешнюю ситуацию.

Особенности психологических механизмов и условий функционирования «докоммуникативных» знаков (отсутствие программирования речевого целого и конкретного высказывания, непосредственность реакции на внешний или внутренний стимул; максимальная степень неосознанности/автоматизма речепроизводства и т. п.) определяют их специфические лингвистические черты.

При изучении междометий лингвисты неизбежно сталкиваются с проблемой произвольного и мотивированного знака. По мнению С. Карцевского, в языке господствует произвольный знак, разделяемый на означаемое и означающее, которые связаны между собой только в силу социального принуждения. Ведется непрестанная борьба между тенденцией к произвольности и противоположной тенденцией к мотивированности знака. Представляя собой мотивированный знак, междометие в то же время принадлежит языку, который оказывает существенное воздействие на его отличительные признаки. «Означаемое», правда, сохраняет не-концептуальную ценность, но «означающее» часто испытывает аналитическое действие фонологической системы[15].

Часть единиц междометного типа используется в звукоподражательных целях. Вряд ли во время диалога один собеседник обратится к другому: *Ку-ка-ре-ку!* Но вот пример реальной речевой ситуации:

(Собеседники А. и В. общаются, входит С. Весело обращается к обоим) *Дорогие мои/* ***ку-ку/ ку-ку/ ку-ку****// Шесть часов/ уже скоро//.*

Как показывает пример, звукоподражание используется с конкретной коммуникативной интенцией: в шуточной форме сообщить о том, что время беседы истекает.

Лингвистическая специфика междометий-реакций, обозначенных нами как «докоммуникативные» знаки, принадлежащих не-концептуальному плану, хорошо видна на фоне концептуальной природы других языковых знаков. Сопоставим междометие со знаменательным словом (существительным), местоименным словом и звукоподражательным словом по следующим признакам: наличие/отсутствие звукового комплекса, лексического значения, грамматического значения, категориального значения.

Как видим, знаменательное слово (существительное), *обозначающее* предмет, характеризуется наличием всех трёх значений. У местоименного слова, *указывающего* на предмет, отсутствует лексическое значение. Звукоподражательные слова, напротив, обладают только лексическим значением. Общим для всех междометий является отсутствие у них концептуальной значимости. Междометиям не свойственно ни лексическое, ни грамматическое, ни категориальное значения вследствие отсутствия у них *логического понятийного содержания.* Следовательно, они лежат как бы «за гранью» собственно языковой – коммуникативной – системы. Это обстоятельство мы считаем аргументом в пользу того, что междометия, входящие в первичную систему рефлекторных восклицаний, являются «докоммуникативными» знаками. Вместе с тем, по справедливому утверждению В. С. Юрченко, междометия находятся «в пределах языка», поскольку слово может не иметь значения, но оно не может не иметь звучания. При отсутствии понятийного содержания междометия своей материальной стороной выражают эмоции говорящего[16].

Edited by Foxit PDF Editor
Copyright (c) by Foxit Corporation, 2003 - 2010
For Evaluation Only.

Относятся ли к «докоммуникативным» знакам звукоподражательные слова (или в традиционной формулировке: правомерно ли включение звукоподражательных слов в состав междометий)?

По мнению Н. Ю. Шведовой, «к междометиям относятся также звукоподражательные слова»[17]. А. Н. Тихонов акцентирует семантические, словообразовательные и интонационные отличия звукоподражательных слов от междометий: «Звукоподражательные слова существенно отличаются от междометий семантически: не выражают ни эмоций, ни побуждений … Семантика звукоподражательных слов не находится в тесной зависимости от интонации … Они являются активной частью системы языка, обогащая её словообразовательные ресурсы, фразеологический фонд, эмоционально-экспрессивные возможности»[18]. Как нам кажется, сделанные А. Н. Тихоновым акценты свидетельствуют о том, что ученый присоединяется к тем «некоторым исследователям», которые считают звукоподражательные слова самостоятельной частью речи (особым морфологическим классом слов).

Можно продолжить сопоставление. Многие из «докоммуникативных» звуковых жестов однотипны в разных языках, то есть при их воспроизведении задействован конечный список фонем в разных вариациях. Гипотетически это свидетельствует о большой степени их универсальности. К тому же возможна параллель в появлении таких звуковых жестов, как *Ой!, Ах!, Фу!* и т. п., с криком и плачем, наблюдаемыми у ребенка в постнатальный период его жизни, то есть без обучения.

Что касается звукоподражательных слов, то здесь, по сведениям фоносемантистов, можно говорить об обусловленности звукового облика слова значением этого слова: «… значение звукоизобразительного слова, можно предположить его звуковую структуру на уровне фонемотипа в любом языке. Например, обозначение удара в любом языке будет связано со взрывными согласными и/или аффрикатой: ср. рус. *топ-топ, тик-так, стук;* англ. *dab* «бой барабана», *clack* «стук», *chip* «рубить топором»[19], однако сами фонемы в разных языках не совпадают.

С позиций нашего исследования на поставленный вопрос следует отрицательный ответ: звукоподражательные слова не относятся к «докоммуникативным» знакам (звуковым жестам). Дифференциальным признаком выступает коммуникативно-функциональная характеристика звукоподражательных слов и звуковых жестов.

Нами были разграничены три вида передаваемой в речевом общении информации: 1) фактуальная, 2) метакоммуникативная, 3) дискурсивная[20]. Представляется, что можно говорить и о так называемой сигнальной «информации» звуковых жестов, выполняющих только сигнальную функцию. **Сигнальная «информация»** – это информативность непроизвольных речевых проявлений (в том числе табуированных восклицаний и их заменителей) в плане выражения психофизиологического и эмоционально-чувственного состояния говорящего.

В отличие от звуковых жестов звукоподражания несут в себе элементы информации двух других видов: фактуальной и метакоммуникативной. Об элементах фактуальной информации позволяет говорить звуковая мотивированность их лексического значения, благодаря чему они менее «привязаны» к интонации, менее контекстуально и ситуативно зависимы, чем междометия. Любой носитель языка без труда поймет, что выражают звукоподражания *ква-ква, тик-так, кап-кап, апчхи* и т. п.[21]

Информация второго вида – метакоммуникативная – обусловлена взаимодействием автора речи с ее адресатом, то есть связана с организацией общения. Так, использование звукоподражательных слов может быть обусловлено установкой на «живописание» (ср.: *С крыши капает* и *С крыши* ***кап-кап***, ***кап-кап***) или на общение с ребенком (***Мяу-мяу*** *уже спит; Принеси* ***тик-так***)[22].

Из сказанного следует, что, хотя и звукоподражания, и звуковые жесты «не служат орудием выражения мысли», для их разграничения есть коммуникативно-функциональное основание. Как известно, еще А. А. Потебня писал, что должны подлежать разграничению непроизвольные эмоциональные речевые проявления («язык чувства») и осознанные проявления рациональной сферы («язык мысли»)[23].

Условно можно выделить три ступени «коммуникативизации» речевых проявлений. Первая ступень – безусловно-рефлекторная речевая реакция (смех *Ха-ха!*). Вторая ступень – условно-рефлекторная реакция (смех *Ха-ха!* «от повтора», например, повторного жеста комедийного персонажа[24]). Третья ступень – условно-рефлекторное речевое проявление в виде звукоподражания (***Хи-хи-хи*** *да* ***ха-ха-ха****! Не боится, знать, греха* [Пушкин]). В отличие от «докоммуникативных» звуковых жестов, представляющих собой безусловно-рефлекторные речевые проявления[25], звукоподражания вследствие звуковой мотивированности их лексических значений могут считаться началом истинной знаковой коммуникации. Как тонко заметил Э. Г. Аветян, «прогресс знака оказывается регрессом в области единства звука и значения»[26]. Между выделенными ступенями существуют переходные случаи.

Во многих работах вместе со звукоподражаниями рассматриваются и волевые побуждения, призывы междометного характера (*Цыц!, Гоп!, Тпру!, Но-о!* и др.). Видимо, можно говорить о совмещении элементов фактуальной и коммуникативной информации и в них. Например, в побуждении *Цыц!* содержится как фактуальная составляющая (призыв прекратить что-нибудь или замолчать), так и коммуникативная – в плане интерперсональных отношений собеседников (ср. *Цыц!* с *Умолкни/Остановись!*; по данным словаря,

Edited by Foxit PDF Editor
Copyright (c) by Foxit Corporation, 2003 - 2010
For Evaluation Only.

Цыц! – это «окрик, выражающий запрет»[27]). От звукоподражаний побуждения и призывы отличает то, что своим звуковым составом они не всегда воспроизводят «издаваемые человеком, животными, предметами звуки, а также разнообразные явления природы, сопровождаемые звуками»[28].

Характерно, что «Русская грамматика» (1980) в качестве слов-предложений рассматривает совершенно разные по языковому статусу и коммуникативно-функциональной характеристике факты (нельзя не отметить, что именуемые словами-предложениями явления не соответствуют определению предложения, данному «Русской грамматикой»). Наряду с «выражениями утверждения или отрицания» *Да/Нет* (в нашей трактовке это **коммуникативы**, точнее – «коммуникативы-местоимения», так как выражают отношения предицирования в ответ на модальные вопросы), как однопорядковые явления анализируются выражения «различных чувств, эмоций» *Ах!, Ох!* (в нашей трактовке – **звуковые жесты**), а также выражения «эмоционального отношения и реакций» *Ну и дела!* (**коммуникативы**), «приветствия, пожелания» *Счастливого пути!* (**гибридные коммуникативы**)[29].

В устно продуцируемой речи «докоммуникативные» знаки могут функционировать в качестве коммуникативных средств. Так, коммуникативная составляющая фиксируется в «докоммуникативных» знаках, например, в ситуации пародирования:

А. (поёживаясь) *Бр-р!* – Б. *Ага!* ***Бр-р?!*** *Говорила тебе/ говорила жилетку//.*

Междометные контактивы частотны в телефонных разговорах на этапе установления контакта:

Т. *Ируся/ привет!*

Л. (с радостью) ***Ой!*** *Танечка/ привет!*

Непроизвольный «возглас-междометие» *Ой!* не только сигнализирует опознавание адресата, но и выражает радость по поводу контакта, то есть совмещает функции звукового жеста и собственно коммуникатива.

Таким образом, условно-рефлекторные речевые проявления – это развивающаяся система, ядерными единицами которой в устной речи являются *предикативная единица* и *собственно коммуникатив*. Безусловно-рефлекторные речевые проявления – это первичная система *непроизвольных междометных* восклицаний, ядро которой отличается статичностью. Единицы указанных систем соседствуют и взаимодействуют в устной речи, следовательно, можно говорить о взаимодействии систем «докоммуникативных» и коммуникативных знаков в речевой коммуникации.

Примечания

1 См.: *Шляхова С.* Тень смысла в звуке : Введение в русскую фоносемантику. Пермь, 2003. С. 192.

2 Согласно учению И. П. Павлова, первая сигнальная система свойственна и человеку, и животным. Эта система непосредственного восприятия действительности создается органами чувств. Посредством второй сигнальной системы, свойственной только человеческому сознанию, осуществляется отвлечение от непосредственного восприятия, обобщение данных этого восприятия.

3 *Лурия А.* Язык и сознание. М., 1998. С. 203.

4 См.: *Купарашвили М.* Бессознательные основы человеческого мышления. Омск, 1996. С. 16.

5 См.: *Леонтьев А.* Основы психолингвистики. М., 1997.

6 См.: *Борисова И.* Русский разговорный диалог : структура и динамика. Екатеринбург, 2001. С. 105.

7 См.: *Седов К.* Становление структуры дискурсивного мышления языковой личности : Психо- и социолингвистические аспекты. Саратов, 1999. С. 9.

8 *Дюрен Ж.* О стереолингвистике // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. М., 2002. С. 275.

9 См.: *Поливанов Е.* По поводу звуковых жестов японского языка // Статьи по общему языкознанию. М., 1968. С. 295.

10 См.: *Лурия А.* Основные проблемы нейролингвистики. М., 1975. С. 51.

11 См.: *Жинкин Н.* Психологические основы развития речи // В защиту живого слова. М., 1966. С. 16 и след.

12 *Соколов А.* Внутренняя речь и мышление. М., 1968. С. 43.

13 При исследовании структуры русского диалога И. Н. Борисова учитывает три степени спонтанности устной речи: неподготовленную, частично подготовленную, подготовленную речь (см.: *Борисова И.* Указ. соч. С. 143) (в нашей терминологии – спонтанную, продумываемую, продуманную). Однако следует отметить, что разграничение реальных фактов устной речи с этой точки зрения не всегда однозначно и даже не всегда возможно.

14 См.: *Рубинштейн С.* Основы общей психологии. М., 1946.

15 См.: *Карцевский С.* Введение в изучение междометия // Вопросы языкознания. 1984. № 6. С. 128–129.

16 См.: *Юрченко В.* Очерки по философии языка и философии языкознания. Саратов, 2000. С. 305.

17 *Шведова Н.* Междометия // Русский язык : энциклопедия. М., 1997. С. 230.

18 *Тихонов А.* Звукоподражательные слова // Русский язык : энциклопедия. М., 1997. С. 138.

19 См.: *Шляхова С.* Указ. соч. С. 43.

20 См.: *Андреева С.* Речевые единицы устной русской речи : Система, зоны употребления, функции. М., 2006.

21 См.: *Тихонов А.* Указ. соч. С. 137–138.

22 Во втором случае звукоподражательные слова используются как наименования животных и предметов, что соответствует «звукоизобразительной» стадии речевого становления ребенка, когда первые номинации отражают основное свойство детской речи – приближение звуковой формы к предмету (или издаваемому им звуку) (см.: *Шахнарович А.* Проблемы мотивированности языкового знака в онтогенезе речи // Общая и прикладная психолингвистика. М., 1973 ; *Исенина Е.* Дословесный

Edited by Foxit PDF Editor
Copyright (c) by Foxit Corporation, 2003 - 2010
For Evaluation Only.

период развития речи у детей. Саратов, 1986 ; *Лепская Н.* Язык ребенка (онтогенез речевой коммуникации). М., 1997).

23 См.: *Потебня А.* Мысль и язык. Киев, 1993. С. 67.

24 См.: *Шляхова С.* Указ. соч. С. 192.

25 Звуковые жесты «предзнакового» характера можно сравнить с непроизвольно возникающей вокализацией, сопутствующей физиознакам и жестам детей младенческого и раннего возраста (*Werner H., Kaplan B.* Symbol formation. N.Y., 1963).

26 *Аветян Э.* Природа лингвистического знака. Ереван, 1968. С. 55.

27 *Ожегов С., Шведова Н.* Толковый словарь русского языка. М., 1993. С. 908.

28 *Тихонов А.* Указ. соч. С. 137.

29 См.: Русская грамматика : в 2 т. М., 1980. Т. 2. С. 420.

УДК 811112.2'42

СТИЛЕВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА «ДОПРОС» (на материале немецкого языка)

Е. В. Шишкина

Волгоградский государственный университет
E-mail: e.w.shishkina@gmail.com

В статье рассмотрены стилистические особенности диалогического единства «допрос» в немецком языке. Проведен анализ судебного процесса с позиции функциональных стилей.
Ключевые слова: диалогическое единство «допрос», стилистика, функциональный стиль, немецкая лингвокультура.

Stylistic Peculiarity of the «Interrogation» Dialogical Unity in German

E. V. Shishkina

The article focuses on stylistic characteristics of the «interrogation» dialogical unity in German. Judicial process is analyzed from the point of view of functional styles.
Key words: «interrogation» dialogic unity, stylistics, functional style, German linguistic culture.

В начале 90-х гг. прошлого века активно изучаются вопросы, связанные с новой отраслью лингвистического знания – юридической лингвистикой, предметом которой выступает зона пересечения языка и права.

Лингвистика получила в лице юриспруденции и юридической деятельности новую и достаточно широкую сферу применения, и значимость теоретической лингвистики для юриспруденции в настоящее время не вызывает сомнений и признается многими исследователями (Е. Б. Берг, Е. И. Галяшина, Е. И. Горошко, Т. В. Губаева, Г. С. Иваненко, И. А. Нефляшева).

Одной из разновидностей юридического дискурса, которым занимается юрислингвистика, является судебный дискурс. Несмотря на существование значительного количества работ, целью которых является рассмотрение судебного дискурса (Н. Д. Голев, К. И. Бринев, Т. В. Дубровская, О. Н. Матвеева, К. Р. Поппер, А. Н. Баранов, Е. И. Галяшина, С. В. Доронина, Г. С. Иваненко, Е. С. Кара-Мурза, П. А. Катышев, Н. Б. Лебедева, М. А. Осадчий, Т. В. Чернышова, Б. Я. Шарифуллин, А. В. Ленец, О. Ю. Тютюнова, Н. К. Пригарина), недостаточно изучена специфика стиля судебного заседания.

Особенность стиля судебного заседания состоит в особом сочетании, переплетении и взаимопроникновении правовых и языковых норм, особо острой необходимости их учета и соблюдения в процессе создания судебной документации[1].

Нарушение языковых норм в отличие от нарушения норм права не влечет за собой правовых последствий. Его следствием может быть только недостижение целей коммуникации, то есть непонимание или недопонимание. Однако это может привести к нарушению прав и законных интересов субъектов экономических отношений.

Переплетение языковых и правовых норм дает основания говорить о многообразии стилеобразующих факторов и стилистических средств, а также о комбинировании функциональных стилей в рамках одной речевой ситуации «допрос».

В юриспруденции допрос представляет собой процессуальное действие, заключающееся в получении и фиксации в установленном процессуальном порядке показаний свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых об известных им фактах, имеющих значение для правильного решения дела[2].

В психологическом плане допрос представляет собой сложный процесс общения, состоящий из последовательности взаимосвязанных этапов – подготовительного этапа, этапа установления психологического контакта, этапа непосредственно допроса, этапа завершения допроса, этапа психологического анализа и оценки результатов допроса[3].

По своей сути допрос является одним из процессуальных видов информационного взаимодействия, межличностного общения и обмена информацией двух главных действующих лиц – допрашивающего и допрашиваемого[4].

© Шишкина Е. В., 2012